

ТЬМА. ЖЕЛАЕТ ЕЁ.
ОН ДЕРЖИТ КЛЮЧ.

ПОРОЧНАЯ
СВЯЗЬ

АНАСТАСИЯ ДЕС

Анастасия Дес

Порочная связь

<https://litres.ru/73972128>

SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти отца Полина попадает в Ноктерру — тёмный коллегиум, где магия, власть и желание сплетены в один смертельно опасный узор. Рядом с Марком Арденом её сила просыпается вместе с жадой, которой невозможно сопротивляться. Но каждое прикосновение связывает их всё крепче — и приближает тайну, способную превратить страсть в погибель для них обоих.

Содержание

Глава 1. Письмо с чёрной печатью	4
Глава 2. Ноктерра	14
Глава 3. Нить под кожей	28
Глава 4. Комната в Северной башне	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Порочная связь

Глава 1. Письмо с чёрной печатью

На третий день после похорон отца Полина поняла две вещи.

Первая: белые лилии нужно запретить законом. Они пахли так густо, что от них хотелось не плакать, а открыть все окна и выбросить из гостиной траур вместе с вазами.

Вторая: если в дом Воронцовых приносили письмо в чёрном конверте, ничего хорошего ждать не стоило.

Горничная внесла поднос с давно остывшим чаем и положила конверт на край стола так осторожно, будто это была не бумага, адохлая птица.

– Для вас, Полина Алексеевна.

Для неё. Не для мамы. Не для Андрея. Не для адвоката, который второй день звонил и говорил таким голосом, будто смерть отца была просто плохо оформленным документом.

Полина взяла конверт и тут же пожалела.

Бумага обожгла пальцы. Не сильно, но достаточно, чтобы она вздрогнула и едва не выронила письмо на ковёр. На тёмном воске был знак, которого она раньше не видела: круг, тонкий ключ и вокруг него что-то вроде сети вен под кожей.

Отлично. Именно этого ей сейчас и не хватало – письма с печатью из кошмаров.

– Что это? – спросила мама.

Елена Воронцова стояла у двери, бледная, худая и такая красивая, что от этой красоты становилось больно. За последние месяцы мама словно уменьшилась. Пропала прежняя лёгкость: та, с которой она смеялась, поправляла цветы, спорила с отцом о музыке и забывала, куда положила очки. Теперь она двигалась тихо. Слишком тихо.

За её плечом появился Андрей Северов.

Он вообще умел появляться так, что никто не слышал шагов. Полина ненавидела это его качество. Нормальные люди скрипели паркетом, кашляли, звякали чашкой. Андрей просто возникал в дверях, как вежливая проблема в дорогом костюме.

– Открой, – сказал он.

– Спасибо, я как раз ждала разрешения, – ответила Полина.

Мама бросила на неё усталый взгляд. Не сейчас, Поля. Только вот «сейчас» в их доме не наступало уже несколько месяцев.

Полина поддела ногтем печать. Воск треснул сухо, будто маленькая кость. Внутри был один лист.

Коллегиум Ноктерры уведомляет Полину Воронцову о предоставлении ей права на вступление в осенний набор по линии наследования рода. Прибытие обязательно. Отказ невозможен.

Ни подписи. Ни объяснений. Только дата – через семь

дней – и тот же знак внизу.

Полина перечитала письмо ещё раз. Потом в третий раз. Смысла не прибавилось.

– Ноктерра, – произнёс Андрей.

В его голосе не было удивления. Вот совсем. Так говорят люди, которые не нашли новую проблему, а дождались старой.

Полина подняла глаза.

– Ты знаешь, что это?

– Разумеется. Один из старейших закрытых коллегиумов в стране. Туда не поступают по конкурсу. Туда приглашают.

– Меня не пригласили. Мне приказали.

– Формулировки в таких письмах редко бывают нежными.

– По линии наследования рода, – мама подошла ближе и взяла лист за край. – Андрей, о чём это вообще?

Он посмотрел на неё почти мягко. От этой мягкости у Полины всегда холодели пальцы.

– Вероятно, о том, что твой покойный муж был не так прост, как любил изображать.

Мама побледнела ещё сильнее.

Полина резко сжала письмо.

– Не говори о нём так.

– Я говорю о фактах.

– Нет, ты говоришь так, чтобы сделать больно.

Воздух в гостиной стал тоньше. Даже лилии будто при-
тихли.

Отец действительно многое скрывал. В его кабинете после смерти нашли закрытые счета, старые письма без обратного адреса и маленький ключ без замка. А ещё он никогда не любил зеркала в спальнях. Полина раньше считала это странностью. Теперь странностей стало слишком много, и все они почему-то проступали из чёрного письма.

– Я никуда не поеду, – сказала она.

Андрей даже не моргнул.

– Поедешь.

Одно слово. Ровное, спокойное, как замок, который щёлкнул изнутри.

– Это не тебе решать, – вмешалась мама.

– Лена, – Андрей повернулся к ней, – это вопрос безопасности.

– Чьей? – спросила Полина.

Пауза вышла короткой, но неприятной.

– Твоей, разумеется.

Вот после этого она увидела узор.

Сначала она решила, что ей показалось. Усталость, похороны, лилии, чёртово письмо. Мало ли что может привидеться человеку, который три ночи почти не спал. Но вокруг запястья Андрея на секунду проступили тёмные нити, тонкие и плотные, будто под кожей шевельнулась чёрная паутина.

Полина моргнула.

Ничего.

Только его рука на подлокотнике кресла: белая манжета,

запонка, спокойные пальцы.

– Ты побледнела, – заметил Андрей.

– Здесь душно.

– Тогда отдохни. Через два дня мы выезжаем.

– Мы?

– Я лично отвезу тебя в Ноктерру.

Полина чуть не рассмеялась. Не потому, что было смешно. Просто иногда в жизни наступает момент, когда смеяться хочется от чистого бешенства.

– Как заботливо.

– Привыкай, – сказал он. – Там забота будет выглядеть гораздо жёстче.

Он вышел, оставив после себя тишину и слабый запах дорогого одеколона. Мама осталась у двери и беспомощно жала пальцы.

– Поля...

– Ты знала?

– Нет.

Полина поверила. В голосе матери было не притворство, а усталое отчаяние человека, который в собственном доме узнаёт важные вещи последним.

– Я не хочу туда ехать.

Мама подошла и коснулась её щеки.

– Тогда не езжай.

Это прозвучало как подарок, который никто не сможет вручить.

Полина хотела ответить, но письмо в её руке нагрелось. Внизу страницы проступила новая строка. Её точно не было минуту назад.

Ключ всегда возвращается туда, где его однажды пытались спрятать.

– Мам, – прошептала Полина.

– Что?

Она не успела показать.

За окном резко треснуло стекло.

Тонкая серебристая линия побежала от верхнего угла вниз, разветвилась, снова разделилась и застыла на поверхности красивым неправильным узором. Елена вскрикнула. Полина отшатнулась от стола.

В саду, у липовой аллеи, стоял мужчина.

Высокий. В тёмном пальто. Неподвижный до жути. Лица не было видно из-за дождя и расстояния, но Полина почему-то сразу поняла: он смотрит именно на неё.

И ещё поняла кое-что похуже.

Ей захотелось узнать, кто он.

Не «выяснить». Не «позвать охрану». Узнать. Так, будто она уже должна была помнить его имя, но память упрямо не открывала нужную дверь.

Она моргнула.

Мужчина исчез.

На стекле осталась только трещина. Слишком изящная для случайности.

Вечером дом жил после похорон так, как живут дома, где люди боятся громких звуков. Внизу шептались служанки. В кабинете Андрея кто-то говорил вполголоса, и один из гостей курил сигару, хотя Андрей терпеть не мог дым в доме. Полина сидела на полу в спальне перед раскрытым чемоданом и пыталась понять, какие вещи она выбрала сама, а какие ей когда-то навязали.

Платья. Книги. Тетрадь отца с пустыми страницами.

Она положила тетрадь первой.

Если Ноктерра решила вытащить из прошлого семейные тайны, Полина хотя бы не собиралась ехать туда с пустыми руками.

В дверь постучали.

– Войди.

Это была мама. В руках она держала небольшую шкатулку, обтянутую тёмным бархатом.

– Я нашла это среди вещей твоего отца, – сказала она. – Подумала, тебе стоит это увидеть.

Внутри лежал кулон: плоский овальный камень на серебряной цепочке. Чёрный, с тонкой светлой прожилкой, похожей на молнию.

– Я не видела его раньше.

– И я. Но в день твоего рождения твой отец всю ночь не спал. Держал что-то в руке. Теперь мне кажется, это было оно.

Полина коснулась камня.

Холод.

Потом перед глазами вспыхнул коридор из тёмного камня: высокие своды, лунный свет на полу и шаги позади неё.

Она отдёргнула руку.

– Поля?

– Всё нормально. Просто устала.

Конечно. Отличное объяснение. От усталости людям обычно мерещились магические коридоры и мужчины в саду.

Мама села рядом. От неё пахло кремом для рук, лилиями и чем-то аптечным.

– Если тебе там будет плохо, ты вернёшься. Слышишь?

Полина кивнула.

Она очень хотела поверить. Но письмо не просило. Оно приказывало. И где-то глубоко внутри, под страхом и злостью, что-то маленькое, упрямое и совсем неправильное откликалось на этот приказ почти с облегчением.

Ночью ей приснился коридор.

Не обрывок. Настоящий сон. Чёрный камень под босыми ногами. Серебряные линии на стенах. Вода где-то далеко. И мужчина в конце прохода.

Высокий. Широкоплечий. Одна рука лежала на эфесе клинка. На безымянном пальце – тонкое тёмное кольцо с полосой светлого металла.

– Кто ты? – спросила Полина.

Он молчал.

Серебряные линии на стенах вспыхнули и проступили у неё под кожей: на запястьях, на руках, у ключиц. Полина ахнула. Мужчина пошёл к ней.

Один шаг.

Ещё.

Тело отозвалось раньше разума. Неправильно, опасно, горячо. Так, будто оно знало этого человека лучше, чем сама Полина.

Он остановился совсем близко. От него пахло дождём, холодным камнем и чем-то терпким, дымным.

Рука в чёрной перчатке поднялась к её лицу, но не коснулась. Провела вдоль скулы в воздухе. И всё равно Полину будто задело током.

– Поздно, – произнёс он.

Голос был низким и хриловатым. От такого голоса хотелось сделать шаг назад. Или вперёд. Второй вариант пугал сильнее.

– Для чего?

Он отступил.

Коридор начала заливать чёрная зеркальная вода. Где-то очень далеко звякнуло стекло.

Полина проснулась на рассвете, с ладонью, сжатой на кулоне так крепко, что камень оставил след на коже.

Кулон висел у неё на шее.

Хотя вечером она точно его не надевала.

Снизу раздался голос Андрея:

– Полина. Машина будет готова через час.

Она села в кровати и посмотрела на бледное утро. Дождь кончился. Сад за окном выглядел вымытым до костей.

А на внутренней стороне её запястья едва заметно светилась короткая серебряная линия.

Ну конечно.

Переезд в таинственный коллегиум теперь официально начинался с метки под кожей.

Глава 2. Ноктерра

Дорога заняла почти весь день.

Сначала исчезли рекламные щиты. Потом заправки. Потом редкие посёлки, где на остановках стояли люди с пакетами и такими лицами, будто они точно знали, куда едут. Полина им завидовала.

У неё с пунктом назначения всё было хуже.

Телефон показал пустой значок сети уже после старого каменного моста. Андрей не включал музыку и не разговаривал. То есть вёл себя как обычно, только теперь это происходило в машине посреди леса, который выглядел так, будто в нём веками прятали чужие ошибки.

– Тебя не укачивает? – спросил он через несколько часов.

– Укачивает от неизвестности.

– От неё обычно не укачивает.

– Повезло тебе с организмом.

Он чуть усмехнулся. Полина отвернулась к стеклу.

За окном мелькали чёрные ели, мокрый гранит, остатки старых стен. Башни без крыш. Арки, затянутые плющом. В низинах стояла вода цвета свинца.

Это место не выглядело построенным. Скорее вытасненным из сна, который никому не стоило досматривать до конца.

– Скажи что-нибудь полезное, – потребовала Полина. –

Что такое Ноктерра на самом деле?

Андрей несколько секунд молчал.

– Место, где тебя научат не бояться того, что с тобой происходит.

– А если я не хочу учиться?

– Это не тот выбор, который тебе доступен.

Вот и поговорили.

Полина повернулась к нему.

– Ты всё время говоришь так, будто знаешь обо мне больше меня самой.

– Так и есть.

Сказано было спокойно. Без хвастовства. От этого захотелось открыть дверь на ходу и выйти в лес.

– И ты решил, что я просто приму это?

– Нет. Я решил, что ты достаточно умна, чтобы сопротивляться позже. Когда поймёшь, чему именно сопротивляешься.

Она сжала ремень безопасности. Гнев был удобнее страха. За него хотя бы можно было держаться.

Лес расступился резко, как театральный занавес.

Ноктерра стояла на чёрном утёсе над озером.

Полина сначала даже не поняла масштаб. Это был не дворец, не монастырь и не университет. Что-то между. Тёмные башни уходили в низкое небо острыми линиями, стеклянные переходы соединяли корпуса, на западной крыше мерцала металлическая конструкция, похожая на астролябию. Узкие

окна отражали облака.

И всё здание будто смотрело.

Не метафорически. Полина физически почувствовала чужое внимание – холодное, древнее, терпеливое.

– Добро пожаловать, – сказал Андрей.

– Спасибо, уже жалею.

Машина поднялась по серпантину к воротам. На кованых створках был тот же знак, что и на письме: ключ в круге. Когда ворота открылись, по спине Полины пробежал холод.

Не страх.

Узнавание.

Это было глупо. Она никогда здесь не была. И всё же знала запах мокрого камня. Поворот дороги. Чёрные колонны у входа. Озёрную сырость, которая забиралась под воротник.

У дверей их ждали двое.

Пожилая женщина в графитовом платье с серебряной цепью на шее. И мужчина у колонны.

Полина увидела его – и всё вокруг стало менее важным.

Высокий. Тёмные волосы. Чёрное пальто поверх светлой рубашки. Одна рука в кармане, в другой он лениво крутил кольцо на пальце.

То самое кольцо.

Из сна.

Полина вышла из машины и почти сразу остановилась. Мужчина поднял глаза. Их взгляды столкнулись без всякого красивого грома и треска неба. Зато под кожей у Полины

что-то резко натянулось, как тонкая серебряная струна.

Отлично. Просто отлично. Таинственный мужчина из сна оказался реальным.

И, судя по лицу, не собирался быть милым.

– Господин Северов, – произнесла женщина. – Мы ожидали вас к вечеру.

– Дорога была свободной, ректор Эйрас.

Ректор перевела взгляд на Полину.

– Полина Воронцова. Добро пожаловать в Ноктерру.

– Спасибо.

Прозвучало вежливо, хотя на самом деле Полина хотела спросить, можно ли сразу обратно.

– Ваши вещи перенесут в Северную башню. Завтра утром – вводное собеседование. После него – тестирование.

– Тестирование на что?

– На то, кем вы являетесь.

Ну конечно. Нормальные люди тестировали знания. Ноктерра тестировала личность целиком.

– Я провожу, – сказал мужчина у колонны.

Голос оказался низким, чуть хриплым. Тот самый. У Полины пересохло во рту.

Ректор едва заметно повернула голову.

– Не сомневаюсь, Арден, что вы найдёте в этом личный интерес.

– Уже нашёл.

Он шагнул ближе.

– Марк Арден.

Ни улыбки. Ни попытки понравиться. Только прямой взгляд, от которого хотелось либо отступить, либо сделать шаг навстречу. Полина не любила варианты, где оба решения выглядели ошибкой.

– Полина.

– Я знаю.

Андрей взял её за локоть. Почти мягко. Слишком мягко. Марк посмотрел на эту руку.

И Полина снова увидела узоры.

Вокруг пальцев Андрея вспыхнули тёмные узлы, похожие на маслянистые нити. А вокруг Марка воздух прорезали серебряные линии – чистые, собранные, будто кто-то нарисовал клинок светом.

Два узора столкнулись без прикосновения.

Полина задержала дыхание.

– Тогда я провожу вас обоих, – сказал Марк.

Вежливо. Но под вежливостью было что-то другое.

Я не оставлю тебя с ним одну.

Самое неприятное – часть Полины этому обрадовалась.

Внутри Ноктерра оказалась ещё страннее. Высокие своды, тёмный камень, длинные коридоры, где шаги отдавались не эхом, а шёпотом. Свет шёл не только из ламп, но и из тонких линий в стенах. Они мерцали под стеклом, как живые жилы.

Студенты и преподаватели смотрели на Полину слишком внимательно. Некоторые отворачивались сразу, будто уже

знали о ней что-то неловкое. Прекрасно. Она ещё не распаковала чемодан, а местные слухи, похоже, уже справили новоселье.

Северная башня оказалась жилым крылом с круглыми окнами и резными дверями. Комната Полины была больше её спальни дома: камин, стол, книжная полка, кровать под тёмным пологом и окно прямо на озеро.

Чемодан уже стоял у кровати.

– Ужин через час, – сказала ректор. – До этого времени можете привести себя в порядок.

И ушла.

Андрей задержался у двери.

– Не делай глупостей.

– Например?

– Не доверяй первым впечатлениям. В этом месте красивое редко бывает безопасным.

Полина подняла подбородок.

– Ты о коллегииуме или о себе?

Впервые за день на его лице мелькнуло что-то живое. Не злость. Скорее досада, смешанная с уважением.

– Учись быстро, Полина.

Он ушёл.

Марк остался.

Дверь закрылась. Комната сразу стала меньше. Или это Полина слишком хорошо чувствовала его присутствие.

– Это обязательно? – спросила она. – Стоять и молчать

так, будто ты часть интерьера?

Уголок его рта чуть дрогнул.

– Я даю тебе время привыкнуть.

– К чему именно?

– Ко мне. К месту. К тому, что ты уже начала видеть.

– Я ничего не начала. Мне несколько раз показалось что-то странное.

– Тебе не показалось.

Он подошёл ближе.

С такого расстояния он был ещё опаснее. От него пахло дождём, холодом и тёмной древесной нотой. Полина разозлилась на себя за то, что заметила.

– Тогда объясни.

– Позже.

– Удобно.

– Нет. Безопасно.

– Для кого?

– Для тебя.

Полина тихо рассмеялась.

– Почему все мужчины вокруг меня сегодня говорят так, будто моя безопасность принадлежит им?

– Потому что ты не представляешь, что открыла, когда получила письмо.

Слова зацепились за неё.

– Что я открыла?

Марк молчал так долго, что она уже решила: сейчас будет

очередное «позже».

– Пока достаточно знать одно, – сказал он. – Здесь случайностей нет. Ни письмо. Ни твой приезд. Ни я.

От последнего слова внутри что-то глупо дрогнуло.

– И кто ты? Проводник? Надсмотрщик?

– Проблема.

– Для меня или для себя?

– Для нас обоих.

Вот теперь Полина точно захотела, чтобы он ушёл. Или чтобы подошёл ещё ближе. Оба желания были одинаково неразумными.

Марк первым отступил.

– К ужину надень кулон, который тебе дала мать.

Полина вскинула голову.

– Откуда ты знаешь про кулон?

– Если не наденешь, половина зала увидит то, что пока должно быть скрыто.

– Ты всегда отвечаешь так, чтобы вопросов стало больше?

– Обычно да.

Он вышел.

Полина несколько секунд смотрела на закрытую дверь. Потом бросилась к чемодану.

Кулон лежал сверху, хотя утром она убирала его во внутренний карман сумки.

– Ну конечно, – пробормотала она. – Самостоятельные украшения. Почему бы и нет.

Она подняла цепочку и увидела в зеркале за спиной не комнату.

Огромный зал под чёрным куполом. Люди в масках. Марк в центре. И она рядом с ним – без платья, только в сети светящихся серебряных нитей, которые оплетали тело как доспех и как прикосновение.

Марк поднимал руку к её бедру, не касаясь. Нити тянулись за его жестом.

Полина резко отвернулась.

Щёки горели.

Она не была девочкой, которую можно смутить одним налётом. Но это было слишком. Слишком интимно. Слишком похоже на то, чего она не хотела хотеть.

К ужину она спустилась в тёмно-зелёном платье с открытыми плечами и высоким разрезом сбоку. Одно из немногих платьев, которые она выбрала сама. Кулон лежал между ключиц, холодный и тяжёлый.

Трапезная располагалась в круглом зале со стеклянным потолком. Над столами висели люстры; пламя в них горело ровно и слишком бело. Студенты сидели так, будто рассадка была не бытовой, а ритуальной.

Когда Полина вошла, голоса не смолкли. Но изменились. Зал заметил её.

Её место оказалось справа от ректора. Марк сидел напротив. Он не смотрел на неё всё время, и это было даже хуже. Иногда говорил с женщиной по левую руку, иногда поднимал

бокал, иногда слушал преподавателя. Но каждый раз, когда их взгляды всё же пересекались, Полине казалось, что её тихо касаются где-то под рёбрами.

– Вам нехорошо? – спросила ректор.

Полина вздрогнула.

– Всё в порядке.

– В Ноктерре это означает одно из двух. Либо вы сильны. Либо упрямы.

– А если и то и другое?

Ректор впервые почти улыбнулась.

– Тогда вам будет интересно.

После ужина Полина вышла в галерею, ведущую к Северной башне. За стеклом темнело озеро. Внутри было тепло, но холод всё равно шёл по коже.

– Ты не умеешь скрывать, когда напугана.

Она обернулась.

Марк стоял в нескольких шагах, уже без пальто. Белая рубашка была расстёгнута у горла ровно настолько, чтобы нельзя было обвинить его в нарочитости. Полина, конечно, всё равно заметила. И снова себя возненавидела.

– А ты не умеешь появляться как нормальный человек?

– Нормальные люди здесь не задерживаются.

Он подошёл к стеклянной стене.

– Посмотри на озеро.

– Зачем?

– Посмотри.

Полина подчинилась скорее из злости, чем из доверия.

Сначала она увидела своё отражение: серое небо, чёрную воду. Потом глубоко под поверхностью озера вспыхнул светлый узор. Огромный. Древний. Как перевёрнутый город из серебряных линий.

– Что это? – спросила она уже шёпотом.

– Одно из оснований Ноктерры.

– Оснований чего?

– Того, зачем ты здесь.

– Ты опять так делаешь.

– Что?

– Говоришь так, будто я должна всё понять, хотя ты ничего не объясняешь.

Марк поднял руку. Полина напряглась. Но он не коснулся её – только остановил пальцы у кулона.

Камень вспыхнул изнутри слабым серебром.

– Это невозможно.

– В Ноктерре лучше не злоупотреблять этим словом.

– Почему рядом с тобой всё реагирует?

Он посмотрел ей в глаза.

– Потому что твоя сила меня узнаёт.

Слова ударили сильнее, чем следовало.

– А я?

– А ты пока сопротивляешься.

В галерее стало тихо до звона. Полина чувствовала каждый вдох, тяжесть кулона, холод стекла рядом и то, как раз-

рез платья открывал ногу выше колена. Это не должно было иметь значения.

Имело.

– Мы виделись раньше? – спросила она.

– Нет.

Пауза.

– Но я тебя ждал.

Она не успела ответить.

В дальнем конце галереи треснула стеклянная панель. Свет под водой вспыхнул так ярко, что всё вокруг на миг стало серебряным. Кулон раскалился. Полина вскрикнула и схватилась за него.

Марк оказался рядом мгновенно. Его ладонь накрыла её пальцы.

Мир сорвался.

Коридор. Чёрный камень. Серебряные линии. Марк перед ней. Без привычной дистанции в глазах.

– Не бойся.

– Я не боюсь.

Ложь вышла слабой.

Он коснулся её запястья. Одно движение – и по телу прошла волна жара. Перед глазами вспыхнула башня, тёмные простыни, его руки на её талии, её собственный прерывистый вдох.

Видение оборвалось.

Полина снова стояла в галерее. Марк держал её руку и

смотрел уже не спокойно, а слишком внимательно.

– Что ты видела?

Она вырвала руку.

– Ничего.

– Полина.

– Ничего.

Он сделал шаг вперёд. Она отступила.

– После сегодняшней ночи не выходи из комнаты одна.

– Ты не можешь мной командовать.

– Могу, если от этого зависит, останешься ли ты живой.

– Все вокруг слишком любят решать за меня.

– Тогда начни с малого, – сказал Марк жёстко. – Реши

выжить.

Служащие уже спешили к треснувшей панели. Свет под озером гас.

Марк отступил.

– Закрой дверь на засов. И что бы ты ни услышала ночью, не открывай никому, кроме меня.

– Это должно меня успокоить?

– Нет.

Он ушёл.

Полина осталась у стеклянной стены, ощущая на ладони фантомный жар его пальцев.

Внизу, под чёрной водой, последний отблеск серебряного узора мигнул и исчез.

Кулон на её груди бился в одном ритме с сердцем.

Слишком быстро.

Слишком живо.

Слишком похоже на ответ.

Глава 3. Нить под кожей

Утром Полина окончательно убедилась: Ноктерра была не учебным заведением, а местом, где обычные слова специально заменяли тревожными.

Завтрак здесь назывался «утренним сбором». Распределение – «церемонией». Проверка магии – «первичным сопоставлением структуры». Даже расписание выглядело так, будто его составлял человек, который ненавидит простоту и радость.

Алина Морвей, новая соседка по Северной башне, появилась в её комнате за полчаса до церемонии: без стука, зато с выражением лица человека, который уже всё понял и теперь просто хочет развлечься.

– Ты сегодня не падай красиво, – сказала она, оглядев Полину. – Здесь это запоминают сильнее, чем хорошие результаты.

Полина застёгивала манжету тёмного платья и на секунду замерла.

– Обнадёживающее начало знакомства.

– Я стараюсь. Алина Морвей. Соседка, проводник по местному безумию и, если повезёт, человек, который успеет сказать тебе «не трогай», прежде чем ты что-нибудь тронешь.

Полина невольно усмехнулась.

– Полина Воронцова. Новенькая, которой уже сказали не выходить одной, не доверять красивому и носить кулон, потому что иначе половина зала увидит что-то лишнее.

– О, – Алина оживилась. – Значит, у тебя насыщенный первый день.

– Я бы предпочла скучный.

– Все предпочли бы. Поэтому Ноктерра скучными днями не занимается.

Зал Сфер находился в центральном корпусе. По дороге Алина успела рассказать слишком много и одновременно почти ничего: семь домов, старые семьи, ректор Эйрас лучше слышит паузы, чем слова, магистра Вейла не стоит злить ни до обеда, ни после, а Марк Арден – отдельная категория неприятностей.

– Здесь все так говорят о нём, будто он не человек, а природное бедствие, – заметила Полина.

– Неправда. Природные бедствия иногда заканчиваются.

– Ты его хорошо знаешь?

– Настолько, чтобы не стоять у него на пути, если он решил куда-то идти.

Зал Сфер оказался огромным. Звук шагов поднимался к тёмным балконам и замирал там, будто эхо тоже боялось мешать. В центре стоял каменный круг. У дальней стены – семь узких колонн. Между ними висела сфера, похожая на жидкое стекло, внутри которого вращалась серебряная карта без нормальных границ.

– Астрарх, – шепнула Алина. – Артефакт распределения. Считывает природу узора и привязку к дому. Иногда врёт. Иногда нет.

– Великолепно. Даже артефакты тут с характером. Алина тихо фыркнула.

Перед ними вызывали студентов по одному. Каждый подходил к постаменту, клал ладонь на камень, и сфера вспыхивала разными цветами. Над одной из колонн появлялся знак дома. Ректор объявляла решение. Всё выглядело торжественно и немного нелепо, как если бы людям всерьёз предлагали доверить будущее светящейся сфере.

Полина пыталась запоминать имена, но мысли упрямо возвращались к ночной галерее, к Марку, к его ладони поверх её руки и к фразе «твоя сила меня узнаёт».

Какая ещё сила? Кого она узнаёт? Почему без спроса?

Тело вспоминало прикосновение слишком охотно. Полина была против. Тело, похоже, не интересовалось её мнением.

– Воронцова, – произнесла ректор.

Зал не ахнул. Но тишина изменилась.

Полина встала. Путь к кругу оказался длиннее, чем выглядел со стороны. Взгляды липли к коже: любопытные, настроенные, оценивающие. Она поймала себя на мысли, что в этом зале о ней знают больше, чем она сама.

И это уже начинало надоедать.

– Положите ладонь на камень, – сказала ректор.

Полина подчинилась.

Сначала ничего.

Потом холод под пальцами исчез. Камень будто ответил. Где-то под грудиной повернулось что-то горячее и неприятно знакомое. Не боль. Не удовольствие. Словно внутри неё медленно проворачивали ключ.

Сфера дрогнула.

Серебряные линии внутри вспыхнули так резко, что кто-то в зале шумно вдохнул.

Полина увидела нити.

Они появились поверх мира. Над людьми, между колоннами, между преподавателями и студентами. Одни мерцали серебром, другие золотились, третьи были тёмными, почти дымными. Всё вокруг вдруг стало сетью: живой, сложной, чужой.

И среди всех линий одна рванулась к ней.

Серебряная. Острая. Натянутая.

Её конец уходил к северной стене, где в полутени стоял Марк Арден.

Конечно. Кто же ещё.

Он не сидел вместе с остальными. Просто наблюдал, скрестив руки на груди, как будто его место всегда было на границе света.

Когда нить натянулась между ними, он выпрямился.

У Полины перехватило дыхание.

Сфера вспыхнула белым. Потом чёрным. Жар в груди

стал невыносимым. Нити в зале дёрнулись, как под сильным ветром. Полина попыталась убрать руку, но пальцы словно приросли к камню.

– Уберите руку! – чей-то голос сорвался под сводами.

С удовольствием бы.

Не получалось.

По внутренней стороне рук побежали тонкие огненные полосы. Полина увидела слишком многое сразу: испуг Алины, настороженность ректора, холодный интерес преподавателей и тёмный узел чужой воли, который не находился в зале, но всё равно был рядом.

Андрей.

Она узнала это без доказательств.

Шаги.

Кто-то вошёл в круг. Камень под ладонью вздрогнул.

Пальцы сомкнулись на её запястье.

Марк.

От его прикосновения стало сначала хуже. Серебро ударило по нервам, по коже, по воздуху. На одно невозможное мгновение Полина почувствовала не только себя.

Его тоже.

Собранность, как сталь. Темноту, которую он удерживал внутри. Голод по чему-то, чему он запрещал даже имя. И под всем этим – усталую бурю, запертую так давно, что стены вокруг неё стали частью его самого.

Он наклонился к ней.

– Смотри на меня.

– Ты всем так говоришь? – выдохнула она, хотя голос почти не слушался.

– Только тем, кто пытается взорвать зал на второй день. Вот это почему-то помогло.

Полина подняла глаза. Его лицо было слишком близко. В серых глазах не было равнодушия. Резкая тень скулы. Сжатая челюсть.

– Дыши, – сказал он тише. – Не за всех сразу. За себя.

Это было лучше, чем «дыши в меня». Нормальнее. Человечнее. Полина вцепилась в это как в поручень.

Вдох.

Его пальцы крепче сжали её запястье.

Выдох.

Нити вокруг начали успокаиваться.

– Ещё раз.

– Если я выживу, – прошептала Полина, – я потребую нормальную инструкцию.

– Сначала выживи.

Она почти рассмеялась, но смех застрял в горле. Сфера перестала биться вспышками. Камень под ладонью больше не жёг. Над самой дальней колонной проступил знак: круг, прорезанный вертикальной линией, внутри которой вспыхнуло серебро.

Ректор поднялась.

– Дом Ноктис.

По залу прокатилась новая тишина. Не торжественная. Настороженная.

Алина где-то сбоку выдохнула так, будто слово «Ноктис» лично испортило ей утро.

Марк отпустил Полину слишком быстро. На коже осталось тепло его пальцев, хотя ладонь была прохладной.

– Церемония окончена, – сказала ректор.

Слишком резко. Слишком рано.

Значит, случилось что-то плохое.

Или очень важное.

В Ноктерре, как Полина уже поняла, разница была условной.

После церемонии вокруг сразу стало шумно. Люди вставали, шептались, делали вид, что не смотрят, и, конечно, смотрели. Полина отошла от круга, чувствуя, что ноги ещё помнят дрожь.

Перед ней возник сухой мужчина с лицом человека, который мог поставить двойку даже гробовой тишине.

– Магистр Вейл, – представился он. – Практика узоров. На моей памяти Астрарх так не реагировал двадцать лет. Вы склонны к резким эмоциональным всплескам, Воронцова?

– Только когда древний артефакт пытается вывернуть мне душу наружу.

Угол его рта едва заметно дрогнул.

– С завтрашнего дня будете заниматься отдельно.

– Это наказание?

– Предосторожность.

Он ушёл, не дожидаясь ответа.

Алина подхватила Полину под локоть.

– Ну что, теперь тебя либо боятся, либо хотят с тобой по-дружиться, либо уже пишут родным. Поздравляю с дебютом.

– Дом Ноктис – это плохо?

– Это редкость. А в Ноктерре редкость почти всегда означает неприятности.

– Есть здесь что-нибудь, что не означает неприятности?

Алина задумалась.

– Ванны. Иногда. И булочки с корицей, если успеть до старших курсов.

Полина впервые за утро улыбнулась.

У бокового выхода стоял Марк. Рядом с ним говорили двое старших студентов, но он их не слушал. Смотрел на Полину. Потом едва заметно качнул головой в сторону двери.

Приглашение. Приказ. Предупреждение.

У Марка, кажется, все три варианта выглядели одинаково.

– Только не говори, что пойдёшь за ним, – пробормотала Алина.

– Почему?

– Потому что ты ещё не знаешь здешних правил. А я уже знаю этот взгляд. Мужчины из семьи Арден никогда не смотрят просто так.

Полина высвободила руку.

– Хорошо. Я тоже редко делаю что-то просто так.

Коридор за боковой дверью был прохладным. Узкие окна пропускали серый свет. На стенах висели старые гобелены: люди в масках, чёрная вода, арки, нити между фигурами.

Марк ждал у лестницы.

– Ты любишь производить впечатление, – сказал он.

– А ты любишь появляться в момент, когда тебя никто не звал.

– Ты звала.

Полина прищурилась.

– Интересно, чем именно?

– Всем.

Сказано было спокойно. Поэтому фраза ударила сильнее, чем если бы он улыбнулся.

– У твоего воображения высокая самооценка.

– Возможно. Но сегодня Астрарх потянулся ко мне через тебя. Такого не должно было случиться.

– Ещё одна фраза, после которой мне должно стать легче?

– Нет.

– Отлично. Последовательность пугающе честная.

Он посмотрел на её руку.

– Покажи.

– Это приказ?

– Совет. Если так приятнее.

– Не сильно.

Но руку она протянула.

На внутренней стороне запястья, там, где он держал её у

постаumenta, проступил тонкий серебристый след.

– Это из-за тебя? – спросила она.

– Из-за нас.

Слово легло между ними тяжело и совсем не вовремя.

Полина хотела убрать руку, но Марк уже коснулся линии кончиком пальца. Легко. Почти никак. Тело отозвалось так, будто он провёл ладонью вдоль позвоночника.

Она втянула воздух.

Марк поднял глаза.

Он тоже почувствовал. Полина увидела это по короткому напряжению в лице.

– Не стоит делать так в коридоре, – сказала она тише.

– Что именно?

– Делать вид, что ты не понимаешь.

Теперь он почти улыбнулся.

– Понимаю слишком хорошо.

Это было хуже любой загадки.

Полина отступила на полшага.

– Тогда объясни нормально. Что со мной происходит?

– Твоя структура открывает закрытое. Людей, места, память, узоры. В Ноктерре это называют природой Ключа.

– Я не вещь.

– Знаю.

– Тогда не называй меня так.

– Я называю не тебя. Я называю функцию, которую тебе придётся научиться контролировать.

– И ты, конечно, тот самый человек, который будет меня контролировать?

– Удерживать, – поправил он. – Если понадобится.

– А если я не хочу?

– Тогда научись удерживать себя быстрее, чем кто-нибудь решит сделать это за тебя.

Эта фраза была неприятной. Потому что звучала не как угроза, а как честный совет.

Полина опустила рукав, закрывая серебряный след.

– Ты всегда такой невозможный?

– Нет. Сегодня я стараюсь быть вежливым.

– Ужасно, – сказала она. – Даже страшно представить обычный режим.

Марк обошёл её и двинулся к лестнице. На мгновение его плечо почти коснулось её плеча.

Почти.

Этого хватило, чтобы след на запястье вспыхнул и снова погас.

Полина осталась в коридоре одна.

На гобелене напротив двое незнакомцев стояли по разные стороны арки. Между ними тянулась тонкая нить.

Раньше она бы не заметила.

Теперь не могла не видеть.

Глава 4. Комната в Северной башне

Северная башня оказалась тише, чем любое место такого размера имело право быть. Шаги здесь глохли в коврах, голоса уходили вверх по винтовым лестницам и растворялись между тёмными перилами, а ветер за узкими окнами звучал так, словно кто-то медленно водил ногтями по камню. Комната у Полины была большая, но неудобная. Высокий потолок, кровать под пологом цвета выцветшей сажи, письменный стол у окна и шкаф, на дверцах которого были вырезаны те же геометрические узоры, что она начинала замечать по всему коллегииуму. Чем дольше она смотрела на резьбу, тем сильнее казалось, что линии слегка меняются, если моргнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.